

ГРАММАТИКА ЛЮБВИ.

Однажды въ началѣ юня нѣкто Ивлевъ ѣхалъ на лошадахъ въ дальній край своего уѣзда.

Тарантасъ съ кривымъ пыльнымъ верхомъ далъ ему шуринъ, въ имѣніи котораго онъ проводилъ лѣто. Тройку лошадей, мелкихъ, но справныхъ, съ густыми сбитыми гривами, напаялъ онъ на деревнѣ, у богатаго мужика. Правильными сынъ этого мужика, малый лѣтъ восемнадцати, тупой, хозяйственный. Онъ все о чемъ-то недовольно думалъ, былъ какъ будто чѣмъ-то обпженъ, не понималъ шутокъ. И убѣдившись, что съ нимъ не разговоришься, Ивлевъ скоро тоже смолкъ и отдался той спокойной и безцѣльной наблюдательности, которая такъ идетъ къ ладу копытъ и громыханію бубенчиковъ.

Ѣхать сначала было очень пріятно: теплый, тусклый день, хорошо накатанная дорога, въ поляхъ множество цвѣтовъ и жаворонковъ; съ хлѣбовъ, съ невысокихъ сизыхъ ржей, простирившихся пасколько глазъ хватить, дулъ сладкій иѣтерокъ—песъ по ихъ косякамъ цвѣточную пыль, мѣстами дымилъ ею, и вдали отъ нея было даже туманно. Малый, въ новомъ картузѣ и пеуклюжемъ люстриповомъ пиджакѣ, сидѣлъ прямо; то, что лошади всецѣло ввѣрены ему и что онъ наряженъ, дѣлало его особенно серьезнымъ. А лошади кашляли и не спѣша бѣжали, валекъ пристяжки порою скребъ но колесу, порою натягивался, и все время мелькала подъ нимъ бѣлой сталью стертая подкова.

— Къ графу будемъ заѣзжать?—спросилъ малый, не оборачиваясь, когда впереди показалась деревня, замыкавшая горизонтъ своими лозинами и садомъ.

— А зачѣмъ?—сказалъ Ивлевъ.

Малый, помолчавъ и сбивъ кнутомъ прилиншаго къ лошади крупнаго овода, сумрачно отвѣтилъ:

— Да чай пить...

— Не чай у тебя въ головѣ!—сказалъ Ивлевъ.—Все лошадей жалѣешь.

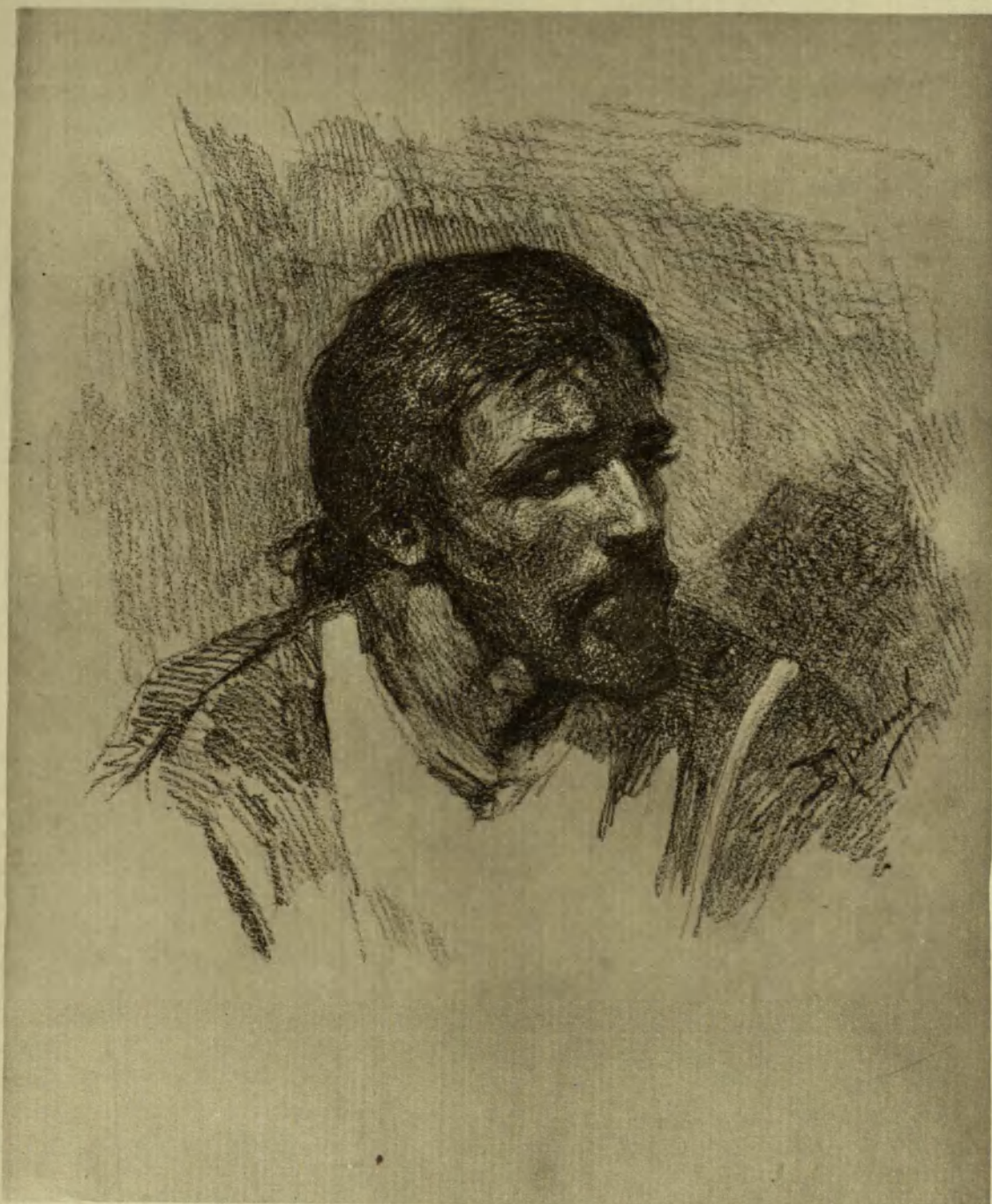
— Лошадь ѣзды не бонтея, она корму бонтея,—отвѣтилъ малый съ полонительностью пожилого мужика.

Ивлевъ поглядѣлъ кругомъ: погода поскучнѣла, со веѣхъ сторонъ натянуло легкихъ линючихъ тучъ, и уже накрапывало—эти скромные деньки всегда оканчиваются окладными дождями. Но спорить не хотѣлось. Старикъ въ очкахъ, пахавшій возлѣ деревни, сказалъ, что дома одна молодая графиня; по все-таки заѣхали. Малый патянулъ на плечи армякъ и, довольный тѣмъ, что лошади

отдыхаютъ, спокойно мокъ подъ дождемъ на козлахъ тарантаса, остановившагося среди грязнаго двора, возлѣ каменнаго корыта, вросшаго въ землю, истыканную копытами скота. Онъ оглядывалъ свои сапоги, поправлялъ кнутовищемъ шлею на коренникѣ; а Ивлевъ сидѣлъ въ темнѣющей отъ дождя гостиниой, болталъ съ графиней и ждалъ чаю: уже пахло горячей лучиной, густо плыль мимо открытыхъ оконъ зеленый дымъ самовара, который босая дѣвка пабивала на крыльцѣ пуками ярко пылающихъ щепокъ, обливая ихъ кероенопомъ. Графиня была въ широкомъ розовомъ капотѣ, съ открытой напудренной грудью; она кургла, глубоко затягиваясь, часто поправляла волосы, до плечей обнажая свои тугія и круглыя руки; затягиваясь и смѣясь, она все сводила разговоръ на любовь, и между прочимъ разсказывала про своего близкаго соседа, помѣщика Хвоцинскаго, который, какъ зналъ Ивлевъ еще съ дѣтства, всю жизнь былъ помѣшанъ на любви къ своей горничной Лушкѣ, умершей въ ранней молодости.— «Ахъ, эта легендарная Лушка!—замѣтилъ Ивлевъ шутливо, слегка копфузаясь своего признанія.—Оттого, что этотъ чудакъ обоготворилъ ее, всю жизнь посвятилъ сумасшедшимъ мечтамъ о ней, я въ молодости былъ почти влюбленъ въ нее, воображалъ, думая о ней, Богъ знаетъ что, хотя она, говорятъ, совѣтъ не хороша была собой». — «Да?—сказала графиня, не слушая и подражая въ манерѣ говорить своему новому кругу.—Онъ вѣдь, знаете, умеръ нынѣшней зимой. И Писаревъ, единственныи, кого онъ иногда допускалъ къ себѣ по старой дружбѣ, утверждаетъ, что во всемъ остальномъ онъ несколько не былъ помѣшанъ, а я вполне вѣрю этому—просто онъ былъ не теперешнимъ чета...» Наконецъ босая дѣвка съ необыкновенной осторожностью подала на старомъ серебряномъ подносѣ стаканъ крѣпкаго сиваго чая изъ прудовки и корзиночку съ печеньемъ, засиженнымъ мухами.

Когда поѣхали дальше, дождь разошелся уже по-настоящему. Пришлось поднятъ верхъ, закрыться каляпымъ, соохшимся фартукомъ, сидѣть согнувшись. Но громыхали глухарями лошади, по ихъ темнымъ и блестящимъ ляжкамъ бѣжали струйки, подъ колесами сочно шуршали травы какого-то рубежа среди хлѣбовъ, гдѣ мальи поѣхалъ въ надеждѣ сократить путь, подъ верхъ набирался теплый ржаной духъ, мѣшавшійся съ запахомъ стараго тарантаса,—ѣхать было все-таки отлично.— «Такъ вотъ оно что, Хвоцинскій умеръ,—думалъ Ивлевъ.—Надо непременно заѣхать, хоть взглянуть на это опустѣвшее святилище таинственной Лушки... Но что въ самомъ дѣлѣ былъ за человекъ этотъ Хвоцинскій? Сумасшедшій или просто какал-то ошеломленная, вся на одномъ сосредоточенная душа?» По разсказамъ стариковъ-помѣщиковъ, сверстниковъ Хвоцинскаго, онъ когда-то слылъ въ уѣздѣ за рѣдкаго умницу. И вдругъ свалилась на него эта любовь, эта Лушка, потомъ неожиданная смерть ея—и все пошло прахомъ: онъ затворился въ домѣ, въ той комнатѣ, гдѣ жила и умерла Лушка и больше двадцати лѣтъ просидѣлъ на ея кровати—не только никуда не выѣзжалъ, а даже у себя въ усадьбѣ не показывался никому, пасквозь просидѣлъ матрасъ на Лушкиной кровати и Лушкиному вліянію приписывалъ буквально все, что совершалось въ мѣрѣ: гроза заходитъ—это Лушка насылаеть грозу, объявлена война—значить такъ Лушка рѣшила, неурожай случился—не угодили мужики Лушкѣ...

— Ты на Хвоцинское что-ли ѣдешь?—крикнулъ Ивлевъ, высовываясь подъ дождь.

В. Д. Полъновъ.
Рисунокъ къ картинѣ
«Кто изъ васъ безъ грѣха?»

— На Хвоцинское,—невнятно отозвался сквозь шумъ дождя малый, съ обвѣсаго картуза котораго уже текла вода.—На этотъ, на писаревъ верхъ...

Такого пути Ивлевъ не зналъ, и это тоже было пріятно. Мѣста становились все бѣднѣе и глуше. Кончился рубежъ, лошади пошли шагомъ и спустили покосившійся тарантасъ размытой колдобиной подъ горку, въ какіе-то еще некосенные луга, зеленые скаты которыхъ грустно выдѣлялись на низкихъ тучахъ. Потомъ дорога, то пропадая, то возобновляясь, стала переходить съ одного бока на другой по днищамъ овраговъ, по буеракамъ въ ольховыхъ кустарникахъ и верболозахъ... Была чья-то маленькая пасѣка, нѣсколько колодокъ, столбшнихъ на скатѣ въ высокой травѣ, краснѣющей земляникой... Обѣхали какую-то старую плотину, потонувшую въ крапивѣ, и давно высохшій прудъ,—глубокую яругу, заросшую бурьянами выше человѣческаго роста... Пара черныхъ куличковъ съ плачемъ метнулась изъ нихъ въ дождливое небо. А на плотинѣ, среди крапивы, мелкими блѣдно-розовыми цвѣточками цвѣлъ большой старый кустъ, то милое деревцо, которое зовутъ «божьимъ деревомъ» — и вдругъ Ивлевъ вспомнилъ мѣста, вспомнилъ, что не разъ ѣздилъ тутъ въ молодости верхомъ, съ ружьемъ за плечами...

— Говорять, она тутъ утопилась-то,—неожиданно сказалъ малый и даже слегка обернулся.

— Ты про любовницу Хвоцинскаго, что ли?—спросилъ Ивлевъ.—Это неправда, она и не думала топитья.

— Нѣтъ, утопилась,—сказалъ малый.—Но только думается, онъ скорѣй всего отъ бѣдности отъ своей ешелъ съ ума, а не отъ ней...

И помолчавъ прибавилъ:

— А памъ пакопецъ опять падо заѣзжать... въ это, въ Хвоцино-то.

— Сдѣлай милость,—сказалъ Ивлевъ.—Только почему «пакопецъ»?

— Лошади уморились, вотъ почему,—отвѣтилъ малый грубо, пошевеливая возжами надъ тройкой, взбравшейся на бугоръ.

На бугрѣ, куда вела оловянная отъ дождевой воды дорога, на мѣстѣ сведеннаго лѣса, среди мокрой, гниющей щепы и листвы, среди пней и молодой осиповой поросли, горько и свѣжо пахнувшей, одиноко стояла изба. Ни души не было кругомъ,—только овсянки, сидя подъ дождемъ на высокихъ цвѣтахъ, звенѣли на весь рѣдкій лѣсъ, поднимавшійся за избою,—но когда тройка, шлепая по грязи, поровнялась съ ея порогомъ, откуда-то вырвалась цѣлая орава собакъ невѣроятныхъ размѣровъ, черныхъ, шоколадныхъ, дымчатыхъ, и съ яростнымъ лаемъ закипѣла вокругъ лошадей, взвиваясь къ самымъ ихъ мордамъ, па лету перевертывалась и прыдая даже подъ верхъ тарантаса. Въ то же время и столь же неожиданно небо пады тарантасомъ расколосось отъ оглушительнаго удара грома, ни разу не гремѣвшаго за весь день, а малый съ остервенѣніемъ кинулся драть собакъ кнутомъ—и лошади вскачь понесли среди замелькавшихъ передъ глазами осиповыхъ стволонъ...

За лѣсомъ уже видно было Хвоцинское. Собаки отетали и сразу смолкли, дѣловито побѣжали назадъ, лѣсъ разступился и впереди опять открылись поля. Вечерѣло, и тучи не то расходились, не то заходили теперь съ трехъ сторонъ: слѣва—почти черная, съ голубыми просвѣтами, справа—сѣдая, грохочущая непрерывнымъ громомъ, а съ запада, изъ-за хвоцинской усадьбы, изъ-за косогоровъ надъ рѣчной долиной,—мутно-синяя, въ пыльныхъ полосахъ дождя, сквозь

которыя розовѣли горы дальнихъ облаковъ. Но надъ тарантасомъ дождь рѣдѣлъ, и, приподнявшись, Ивлевъ, весь закиданный грязью, съ удовольствіемъ завалилъ назадъ отяжелѣвшій верхъ и свободно вздохнулъ пахучей сыростью поля.

Онъ глядѣлъ на приближающуюся усадьбу, видѣлъ наконецъ то, о чемъ слышалъ такъ много, но попрежнему казалось, что жила и умерла Лушка не двадцать лѣтъ тому назадъ, а чуть ли не во времена незапамятныхъ. По долинуѣ терялся въ кугѣ слѣдъ мелкой рѣчки и надъ пей летала бѣлая рыбалка. Дальше, на полугорѣ, лежали ряды сѣна, потемнѣвшіе отъ дождя, а среди нихъ, далеко другъ отъ друга, раскидывались старые серебристые тополи. Домъ, довольно большой, когда-то бѣлый, съ блестящей, мокрой крышей, стоялъ на совершенно голомъ мѣстѣ. Не было кругомъ ни сада, ни построекъ—только два кирпичныхъ столба на мѣстѣ воротъ да лопухи по канавамъ. Когда лошади въ бродѣ перешли рѣчку и поднялись на гору, какая-то женщина въ лѣтнемъ мужскомъ пальто съ обвѣшными карманами гнала по лопухамъ индюшекъ. Фасадъ дома былъ необыкновенно скученъ: оконъ въ немъ было мало и все они были невелики, сидѣли въ толстыхъ стѣнахъ глубоко. Зато огромны были мрачныя крыльца. Съ одного изъ нихъ удивленно глядѣлъ на подѣзжающихъ молодой человѣкъ въ сѣрой гимназической блузѣ, подпоясанный широкимъ ремнемъ, черный, съ красивыми глазами и очень миловидный, хотя лицо его было блѣдно и отъ веснушекъ пестро, какъ птичье яйцо.

Нужно было чѣмъ-нибудь объяснить свой заѣздъ. Поднявшись на крыльцо и назвавъ себя, Ивлевъ сказалъ, что хочетъ посмотрѣть и, можетъ быть, купить библиотеку, которая, какъ говорила графиня, осталась отъ покойнаго. И молодой человѣкъ, густо покраснѣвъ и одергивая сзади свою блузу, тотчасъ же повелъ его въ домъ.—«Такъ вотъ это и есть сынъ знаменитой Лушки!»—подумалъ Ивлевъ, окидывая глазами все, что было на пути, и часто оглядываясь и говоря что попало, лишь бы лишній разъ взглянуть на хозяина, который казался слишкомъ моложавъ для своихъ лѣтъ. Тотъ отвѣчалъ поспѣшно, по односторонне, путался, видимо, и отъ застѣнчивости, и отъ жадности: что онъ страшно обрадовался возможности продать книги и вообразилъ, что сбудетъ ихъ недешево, сказалось въ первыхъ же его словахъ, въ той неловкой торопливости, съ которой онъ заявилъ, что такихъ книгъ, какъ у него, ни за какія деньги нельзя достать. Черезъ полутемныя сѣни, гдѣ была настлана красная отъ сырости солома, онъ ввелъ Ивлева въ большую переднюю.

— Тутъ вотъ и жилъ вашъ батюшка?—спросилъ Ивлевъ, входя и снимая шляпу.

— Да, да, тутъ,—поспѣшилъ отвѣтить молодой человѣкъ.—То-есть, конечно, не тутъ, не совсѣмъ тутъ... они вѣдь больше всего въ спальнѣ сидѣли... Но, конечно, и тутъ бывали... по почамъ, то-есть...

— Да, я знаю, онъ вѣдь уже давно былъ боленъ,—сказалъ Ивлевъ.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— То есть чѣмъ боленъ?—спросилъ онъ, и въ голосѣ его послышались болѣе мужественныя ноты.—Нѣтъ, это не правда, это все сплетни, они умственно нисколько не были больны... Они только читали по цѣлымъ днямъ и никуда не выходили, вотъ и все... Да нѣтъ, вы, пожалуйста, не снимайте шляпу, тутъ очень холодно, мы вѣдь не живемъ въ этой половинѣ...

Правда, въ домѣ было гораздо холоднѣе, чѣмъ на воздухѣ. Въ непривѣтливой передпей, оклеенной газетами, на подоконникѣ печальпаго отъ тучъ окна стояла лубяная перепелиная клѣтка. По полу самъ собою прыгалъ сѣрый мѣшочекъ. Наклонившись, молодой человекъ поймалъ его и положилъ на лавку, и Ивлевъ понялъ, что въ мѣшочкѣ сидитъ перепелъ. Затѣмъ вошли въ залъ. Эта комната, окнами на западъ и на сѣверъ, занимала чуть не половину всего дома. Въ одно окно, на золотѣ расчищающейся за тучами зари, видна была столѣтняя, вся черная плакучая береза, въ остальные—высоки засыхающій акатникъ. Передній уголъ весь былъ занятъ божницей безъ стеколъ, уставленной п увѣшенной образами; среди нихъ выдѣлялся и величнннй и древностью образъ въ серебряной ризѣ, и на немъ, желтѣя воскомъ, какъ мертвымъ тѣломъ, лежали въпчальные свѣчи въ блѣдно-зеленыхъ бантахъ.

— Простите, пожалуйста,—началъ было Ивлевъ, превозмогая стыдъ,—развѣ вашъ батюшка...

— Нѣтъ, это такъ,—пробормоталъ молодой человекъ, мгновенно появивъ его.—Они такъ ее любили, что... уже послѣ ея смерти купили эти свѣчи... и даже обручальное кольцо всегда носили...

Мебель въ залѣ была собрана какая попало, и все топорная. Зато въ простѣнкахъ стояли прекрасныя горки, полныя сверху до низу фарфоровыми вещичками, хрусталемъ, чайной посудой и бокалами въ золотыхъ ободкахъ. А полъ весь былъ усыпанъ колѣблыми пчелами, которыя щелкали подъ ногами. Пчелами усыпана была и гостиная, совершенно пустая. Пройдя ее и еще какую-то сумрачную комнату съ лежанкой, съ черными масляными картинами на синихъ стѣнахъ, молодой человекъ остановился возлѣ низенькой двойной двери и вынулъ изъ кармана брюкъ большой ключъ. Съ трудомъ повернувъ его въ ржавой замочной скважинѣ, онъ распахнулъ двери, что-то пробормоталъ—п Ивлевъ увидѣлъ почти каморку, въ два окна; у одной стѣны ея стояла желѣзная голая койка, у другой—два книжныхъ шкапчика изъ корельской березы.

— Это и есть библіотека?—спросилъ Ивлевъ, подходя къ одному изъ нихъ.

И молодой человекъ, послѣшивъ отвѣтить утвердительно, помогъ ему растворить шкапчикъ и жадно сталъ слѣдить за его руками.

Престранныя книги составляли эту библіотеку. Раскрывалъ Ивлевъ толстые переплеты, отворачивалъ шершавую сѣрую страницу и читалъ: *Заклятое урочище... Утренняя звѣзда и ночные демоны... Размышленія о таинствахъ мірозданія... Чудесное путешествіе въ волшебный край... Новѣйшій сонникъ...* А рукъ все-таки слегка дрожали. Такъ вотъ чѣмъ питалась та одинокая душа, что навсегда затворилась отъ міра въ этой каморкѣ и еще такъ недавно ушла изъ нея!—Но, можетъ быть, она, эта душа, и впрямь не совсѣмъ была безумна? «Есть бытіе,—вспомнилъ Ивлевъ стихи Боратынскаго,—есть бытіе, по пменемъ какимъ его назвать? Ни сонъ оно, ни бдѣнье:—м е ж ь н и х ъ о н о, п въ человекѣ имъ съ безуміемъ граничить разумѣнье...» Рачкестило на западъ, золото глядѣло оттуда изъ-за красивыхъ липоватыхъ облаковъ и странно озаряло этотъ бѣдный пріютъ любви, любви непонятной, въ какое-то эстетическое житіе превратившей цѣлую человеческую жизнь, которой, можетъ, подлежало быть самой обыденной жизнью, не случись какой-то загадочной въ своемъ обаяніи Лушки...

Взявъ изъ-подъ койки скамеечку, Ивлевъ сѣлъ передъ шкапомъ и вынулъ папиросы, незамѣтно оглядывая и запоминая комнату.

— Вы курите?—спросилъ онъ молодого человѣка, стоявшаго надъ нимъ. Тотъ опять покраспѣлъ.

— Курю,—пробормоталъ онъ и попытался улыбнуться:—То-есть не то что курю, скорѣе балуюсь... А впрочемъ позвольте, очень благодаренъ вамъ...

И неловко взявъ папиросу, закурилъ дрожащими руками, отошелъ къ подоконнику и паполовину сѣлъ на него, загораживая желтый свѣтъ зари.

— А это что?—спросилъ Ивлевъ, наклоняясь къ средней полкѣ, на которой лежала только одна очень маленькая книжечка, похожая на молитвенникъ, и стояла шкатулка, углы которой были обдѣланы въ серебро, уже побѣлѣвшее и стертые отъ времени.

— Это такъ... ожерелье покойной матушки,—запнувшись, но стараясь говорить небрежно, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста... хотя оно вѣдь очень простое... вамъ не можетъ быть интересно...

И открывъ шкатулку, Ивлевъ увидѣлъ заношенный шнурокъ, а на немъ—снизу дѣйствительно очень дешевенькихъ голубыхъ шариковъ, похожихъ на камешные. И такое волненіе овладѣло имъ при взглядѣ на эти шарики, нѣкогда лежавшіе на шеѣ той, которой суждено было быть столь любимой и чей смутный образъ уже не могъ не быть прекраснымъ, что зарябило въ глазахъ отъ сердцебіенія... Насмотрѣвшись, Ивлевъ осторожно поставилъ шкатулку на мѣсто; потомъ взялся за книжечку. Это была крохотная, прелестно изданная почти сто лѣтъ тому назадъ «Грамматика любви, или искусство любить и быть взаимно любимымъ».

— Эту книжку я, къ сожалѣнію, не могу продать,—съ трудомъ проговорилъ молодой человѣкъ.—Она очень... дорогая... они даже подъ подушку ее себѣ клали...

— Но, можетъ быть, вы позволите хотя посмотрѣть ее?—сказалъ Ивлевъ.

— Пожалуйста,—прошепталъ молодой человѣкъ.

И превозмогая неловкость, смутно томясь его пристальнымъ взглядомъ, Ивлевъ сталъ медленно перелистывать «Грамматику любви». Она вся дѣлилась на маленькія главы: о красотѣ, о сердцѣ, объ умѣ, объ обращеніи, о знакахъ любовныхъ, о нападеніи и защищеніи, о размолвкѣ и примиреніи, о любви платонической... Каждая глава состояла изъ коротенькихъ, изящныхъ, порою очень тонкихъ сентенцій, и нѣкоторыя изъ нихъ были деликатно отмѣчены перомъ, красными черпилами.—«Любовь не есть простая эпизода въ нашей жизни,—читалъ Ивлевъ.—Разумъ нашъ противорѣчитъ сердцу и не убѣждаетъ опаго.—Женщины никогда не бываютъ такъ сильны, какъ когда онѣ вооружаются слабостью.—Женщину мы обожаемъ за то, что она владычествуетъ надъ нашей мечтой идеальной.—Тщеславіе выпраетъ, истинная любовь не выбираетъ.—Женщина прекрасная должна занимать вторую ступень; первая принадлежитъ женщинамъ милой. Сія-то дѣлается владычицей нашего сердца: прежде нежели мы отдадимъ о ней отчетъ сами себѣ, сердце наше дѣлается и е-в-о-л-ь-н-и-к-о-мъ-л-ю-б-в-и-н-а-вѣ-к-и... Затѣмъ шло «изъясненіе языка цвѣтовъ», и опять кое-что было отмѣчено и опять съ выборомъ, отвѣчавшимъ

душѣ покойнаго: «Дикой макъ—печаль.—Верескледъ—твоя прелесть запечатлѣна въ моемъ сердцѣ.—Могильница—сладостныя воспоминанія.—Печальный гераній—меланхолія.—Полынь—вѣчная горестъ» ... А на чистой страничкѣ въ самомъ концѣ было мелко, бисерно написано тѣми же красными чернилами восьмистишіе. Молодой человѣкъ вытянулъ шею, заглядывая въ «Грамматику любви» и, краснѣя, сказалъ съ дѣланной усмѣшкой:

— Это они сами сочинили... Даже разъ призвали меня и прочли...

Черезъ полъ-часа Ивлевъ съ облегченіемъ простился съ нимъ. Изъ всѣхъ книгъ онъ за очень дорогую цѣну купилъ только эту книжечку. Мутно-золотая заря блекла въ облакахъ за полями, желто отвѣчивала въ лужахъ, мокро и зелено было въ поляхъ. Малый не спѣшилъ, но Ивлевъ не попукалъ его. Малый рассказывалъ, что та женщина, которая давеча гнала по лопухамъ индюшекъ,—жена березовскаго дьякона, что молодой Хвоцинскій уже давно живетъ съ нею, что у него уже есть дѣти. Ивлевъ не слушалъ. Онъ все думалъ о Лушкѣ, о ея ожерельѣ, которое оставило въ немъ чувство сложное, похожее на то, какое испыталъ онъ когда-то въ одномъ итальянскомъ городкѣ при взглядѣ на реликвию одной святой.—«Вошла она навсегда въ мою жизнь!»—подумалъ Ивлевъ. И вынувъ изъ кармана «Грамматику любви», медленно перечиталъ при свѣтѣ зари стихи, написанные на ея послѣдней страницѣ:

Обречены съ тобой мы оба
На грусть въ семь мірѣ жи и зла!
Моя любовь была до гроба,
Она со мною умерла.

Но ей сердца любившихъ скажутъ:
«Въ преданьяхъ сладостныхъ живи!»
И правнукамъ своимъ покажутъ
Сію Грамматику Люви.

И в. Буицъ.

18. II. 1915.

